

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Для цитирования: Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 2. — С. 485-501

doi 10.17059/2018-2-12

УДК 314.728

К. В. Шворина^{а)}, Л. М. Фалейчик^{а, б)}

^{а)} Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (Чита, Российская Федерация, gorina08@yandex.ru)

^{б)} Забайкальский государственный университет (Чита, Российская Федерация)

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ¹

Статья посвящена вопросам миграционной мобильности населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Цель исследования — анализ и характеристика миграционной мобильности населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, выявление факторов межрегиональной миграции, определяющих географию ее направлений. Основной гипотезой исследования выступает следующий тезис: «В формировании выталкивающих и притягивающих факторов миграции первостепенную роль играют межрегиональные различия в социально-экономическом развитии регионов». Методический инструментарий исследования — анализ статистических источников информации и математические методы обработки данных, их географическую визуализацию. Анализ материалов баз данных Росстата показал, что миграционные потери в регионах Сибирского федерального округа существенно выше, чем в регионах Дальневосточного федерального округа, однако для последних эти потери более значимы. Особого внимания заслуживают слабо заселенные и депрессивные регионы, в которых даже минимальные миграционные потери значительно повышают социодемографические риски. Выявлено, что основное ядро жителей регионов формируется уроженцами этих территорий, при этом наблюдается их нарастающая территориальная подвижность. Наблюдается низкая приживаемость мигрантов в большей части регионов. В работе предложен авторский подход к исследованию выталкивающих и притягивающих факторов миграции, на основе комплексирования методов многомерного кластерного и геоинформационного анализа. Данный подход позволил провести классификацию российских регионов в отношении их миграционной привлекательности, для каждого региона Сибирского и Дальневосточного федеральных округов представить географию преобладающих миграционных перемещений их жителей. Результаты проведенного исследования подтверждают факт существования зависимости миграционной мобильности населения от различий в качестве жизни населения регионов и могут быть использованы для выработки механизмов эффективной политики социально-экономического развития регионов страны. Весьма перспективным направлением дальнейших исследований представляется применение данного подхода на муниципальном уровне, что позволило бы структурировать региональные экономические пространства в отношении полюсов роста и периферии.

Ключевые слова: мобильность населения, межрегиональная миграция, регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, уроженцы территории, оседлость населения, факторы миграции, география миграционных перемещений, перепись населения, кластерный анализ, ГИС-технологии

Введение

Современный мир живет в «непрестанной мобильности» — от добровольных форм пере-

мещения (туристы, мигранты, паломники) до вынужденной территориальной подвижности (беженцы) [1]. В этом контексте мобильность населения следует рассматривать как традиционное географическое понятие, раскрыва-

¹ © Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Текст. 2018.

ющие аспекты горизонтальной смены статусных позиций, но, в то же время, требующее новых междисциплинарных подходов к исследованию. В начале 2000-х гг. формируется более широкое понятие, получившее название «парадигма мобильности», одним из основоположников которого стал британский социолог Дж. Урри [2, 3]. Такое понимание мобильности (людей, вещей, идей) формирует географию повседневной жизни. Однако, несмотря на всеобъемлющий характер существующих форм мобильности населения, ее главный и основной принцип связан с территориальными перемещениями жителей, что в условиях глобализационных и интеграционных процессов делает особо актуальным всестороннее изучение этих форм. В таком контексте классическое понимание географической мобильности населения как смены постоянного жительства или временной трудовой миграции выступает главной формой экономического поведения человека в территориальном освоении и заселении пространства. Географ Тим Крессуэлл — один из главных зарубежных исследователей мобильности населения — отмечает «...повышенный уровень мобильности, новые формы мобильности, где объекты сочетаются с информацией и различными моделями мобильности» [4, с. 551]. В современном мире все большее распространение получают такие виды географической мобильности населения, как научная, образовательная, туристическая, паломническая и т. д., направленные на удовлетворение культурных и рекреационных потребностей человека. Именно эти формы мобильности отражают в большей мере степень использования этого пространства, его социологизацию [5, с. 36].

Географическая мобильность населения, связанная со сменой места жительства или перемещениями в результате трудовой миграции, является основным объектом исследований в нашей стране. Миграционная мобильность населения России — тема не новая, она часто рассматривается в работах отечественных исследователей — географов, социологов и экономистов. Большой вклад в исследование этого понятия внесли Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина и др. Известно множество работ по исследованию миграционных процессов на региональном уровне — подобные исследования проводятся в каждом субъекте Федерации. Однако, на наш взгляд, существуют и другие аспекты, на которые хотелось бы обратить отдельное внимание.

В условиях сжатия социально-экономического пространства российских регионов особую актуальность приобретает проблема сохранения и укрепления единого экономического пространства страны. Усиливающийся дисбаланс в распределении населения по территории государства, отмеченный в Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г., создает необходимость выявления роли и места каждого региона в пространственной мобильности населения, их вклада в формирование миграционных потоков на разных территориальных уровнях. Особое внимание в этом отношении уделяется периферийным и приграничным регионам, являющимся стратегически важными с точки зрения геополитических интересов страны [6].

Регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока в настоящее время характеризуются высокой миграционной подвижностью населения. О существовании западного дрейфа миграции из восточных регионов страны ученые говорят еще со второй половины XX в., однако сегодня эти перемещения усиливают свою центростремительность. Наблюдаемая ситуация с высоким миграционным оттоком из сибирских и дальневосточных регионов определяет будущие перспективы их дальнейшего развития и развития страны в целом. Поэтому мониторинг происходящих процессов сегодня особенно значим.

Сравнительный анализ и комплексные оценки миграционных процессов в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока содержится в работах многих российских ученых, в числе которых С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, И.В. Шокина, Н.Н. Воробьев, Е.С. Романовская и др. Однако авторам не встретились работы, посвященные значимости миграционных потерь населения для данных регионов, расчету динамики подвижности жителей, географии миграционных перемещений. Причина этого кроется, скорее всего, в скудости или полном отсутствии доступных для исследователей источников необходимой статистической информации. В данной работе авторы предлагают рассмотреть особенности миграционной мобильности населения указанных регионов на основе прямых и косвенных показателей подвижности жителей, отраженных в последней переписи населения. Кроме того, учитывая существенную зависимость пространственной мобильности населения от неоднородности социально-экономического пространства страны, предлагается определить на мезоуровне выталкивающие и притягивающие фак-

торы миграции населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Методика исследования и используемые данные

Для исследования вопросов миграционной мобильности используется статистическая информация баз данных Росстата и переписей 1989, 2002 и 2010 гг.

Для сравнения регионов по качеству жизни населения были сформированы четыре группы социально-экономических показателей, во многом отражающих, на наш взгляд, основные аспекты интуитивного понятия качества жизни в регионах, которое использует в своей оценке обычный человек: занятость населения, уровень благосостояния, благоустройство жилья и уровень экономической самоорганизации населения. Анализ выполнен по 80 регионам РФ вследствие неполноты статистических данных.

Как в зарубежных, так и в отечественных публикациях для межрегиональных сравнений используются различные подходы и методы. Вычисляются многочисленные индексы, индикаторы, интегральные показатели, по которым определяются рейтинги регионов, даются оценки межрегионального неравенства [7, 8]. В ряде работ используются системы эколого-экономических индикаторов качества экономического роста, учитывающих кроме экономических составляющих и экологические [9, 10]. Одним из широко используемых методов группирования и классификации объектов по набору показателей является кластерный анализ. Среди его основных достоинств — отсутствие ограничений на вид и количество рассматриваемых объектов: исходные данные могут быть произвольной природы. Техника кластеризации как количественный инструмент успешно применяется и в экономико-социологических исследованиях [11–14]. Кроме того, классификацию и кластеризацию пространственных объектов позволяют выполнять и современные геоинформационные продукты, представляющие широкий набор инструментария как для выполнения разностороннего анализа данных, так и для визуализации его результатов.

В данной работе группировка регионов по набору перечисленных характеристик и их классификация выполнены методом многомерного кластерного анализа в комплексе с технологией Гис-анализа. Расчеты проведены с использованием авторского инструментария, автоматизирующего технологию кластерного

анализа в среде математического моделирования MATLAB [13]. Были опробованы три метода кластеризации: K -средних, иерархический и Кохонена с разным набором их параметров. Сравнительный анализ результатов позволил авторам в качестве основного выбрать метод K -средних (« K -means»): он относительно прост и имеет высокое качество разбиения. В качестве расстояния между объектами использован квадрат евклидова расстояния, выбор начальных кластеров осуществлялся как случайный, количество классов разбиения — 3, 4 и 5.

Весь процесс классификации регионов и выявления зависимости направлений и уровня миграционной мобильности от степени миграционной привлекательности регионов разбивается на несколько последовательных этапов.

1. Исходные данные имеют разные единицы измерения, поэтому следует провести их стандартизацию. По всем показателям вычислены индексы с единой унифицированной шкалой от нуля до единицы. Нормировка выполнена по формулам, часто используемым для этих целей [15, 16]:

$$t_i = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad t_i = \frac{X_{\min} - X_i}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

где X_i — априорное значение показателя X в i -м регионе, t_i — значение рассчитываемого индекса показателя X , X_{\max} и X_{\min} — максимальное и, соответственно, минимальное значения показателя X по всем участвующим в анализе регионам РФ.

Первая из приведенных формул использовалась для «положительных» показателей, для которых чем больше значение X , а тем самым и значение индекса t_i , тем лучше качество, состояние: доходы населения, благоустройство жилья, уровень экономической активности населения, уровень развития малого и среднего бизнеса и др.

Вторая формула использована для нормировки «негативных» показателей, тех, у которых большее значение показателя соответствует худшему качеству: уровень безработицы, занятость в неформальном секторе, удельный вес убыточных организаций, стоимость жилья и пр.

2. По каждому из четырех блоков показателей рассчитывались «интегральные», или агрегированные по блоку, индексы:

$$G_i = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n (t_i^j)^2}{n}}, \quad (2)$$

где G_i — рассчитываемое значение интегрального индекса для i -го региона, t_i^j — значение индекса j -го показателя для i -го региона, n — число рассматриваемых показателей в блоке.

3. Непосредственная кластеризация регионов по этим четырем агрегированным индексам.

4. Дальнейший анализ и обработка результатов кластеризации и исследование их пространственного распределения проводились в геоинформационной среде ArcGIS. Сравнительный анализ основных характеристик распределений значений агрегированных блоковых индексов в кластерах по разным вариантам разбиения позволил ранжировать кластеры и выбрать оптимальный вариант разбиения.

5. Обработка и геоинформационный анализ в среде ArcGIS статистических данных по объемам и направлениям перемещений населения из каждого региона. Построение карт, демонстрирующих географию направлений миграции.

6. Пространственный анализ данных о географии межрегиональных направлений миграции и экономической дифференциации регионов России.

Миграционная мобильность населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: масштаб ситуации

Миграционная мобильность населения в России на протяжении длительного времени характеризуется нарастающими темпами развития — с 1926 г. по 1979 г. она выросла более чем в два раза, что отражает высокие темпы урбанизации, повышение уровня образования населения. После распада СССР произошло более чем двукратное снижение внутренней мобильности населения России [17, с. 58; 18]. Доля людей, никогда не переезжавших — местных уроженцев, к 2002 г. сильно выросла — до 55,8 % против 49,3 % в 1989 г. и 46,1 % в 1979 г. [19, с. 153]. По данным переписи 2010 г.¹, доля жителей, непрерывно проживающих в месте своего постоянного жительства с рождения, составляла 46,2 %, что свидетельствует о росте территориальной мобильности населения. Об этом говорит и увеличение к 2010 г. во всех округах страны доли живущих не с рождения [20].

Миграционную мобильностью характеризуют, в первую очередь, общие показатели ми-

грации. Территориальная мобильность в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока имеет свою специфику в разных местностях и отражает особенности процесса перераспределения населения в целом. В результате миграционного оттока потеря собственного населения в регионах СФО (–47420 чел.) больше, чем в ДФО (–25268)². Однако эти потери без учета зарубежных мигрантов для ДФО в общей совокупности населения территории более значительны — почти 0,41 %, в сравнении с 0,25 % для СФО. Одна из причин этого кроется в разнице численности проживающего населения: 6,2 млн чел. — на Дальнем Востоке и 19,3 млн чел. — в СФО. Население активно уезжает, прежде всего, в центральную часть России. Относительное благополучие в миграционной динамике по федеральным округам формируется за счет перемещения иностранных мигрантов: 13,3 % от их общего количества по стране стремятся в СФО, значительно меньше — 3 % — в ДФО.

Мощность миграционных потоков регионов демонстрируют абсолютные данные. Показатели внутри федеральных округов отличаются своими полюсными значениями. По состоянию на 2015 г.³, лидером по оттоку собственного населения для обоих округов является Омская обл. (–10192 чел.). Значительные потери характерны для Кемеровской обл. (–9391), Алтайского (–7952) и Забайкальского краев (–6821). Причем абсолютные значения миграционной убыли населения в этих регионах значительно превышают значения этого показателя для дальневосточных субъектов. В ДФО лидером по убыли населения является Республика Саха (Якутия) (–4810 чел.). Подобная миграционная ситуация в восточных регионах России говорит о существующем кризисе и о сложностях решения задач социально-экономического развития этих территорий [11, 21, 22]. Прирост характерен для Новосибирской обл. (2618 чел.), сохранившей и усилившей научно-технический потенциал развития. Наблюдается незначительный прирост для Республики Хакасии (71 чел.).

В относительных величинах миграционная убыль собственного населения регионов без учета притока иностранцев более значима

² Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 263 с.

³ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году. Бюллетень [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения 15.06.2017).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М. : Статистика России, 2012. Т. 8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

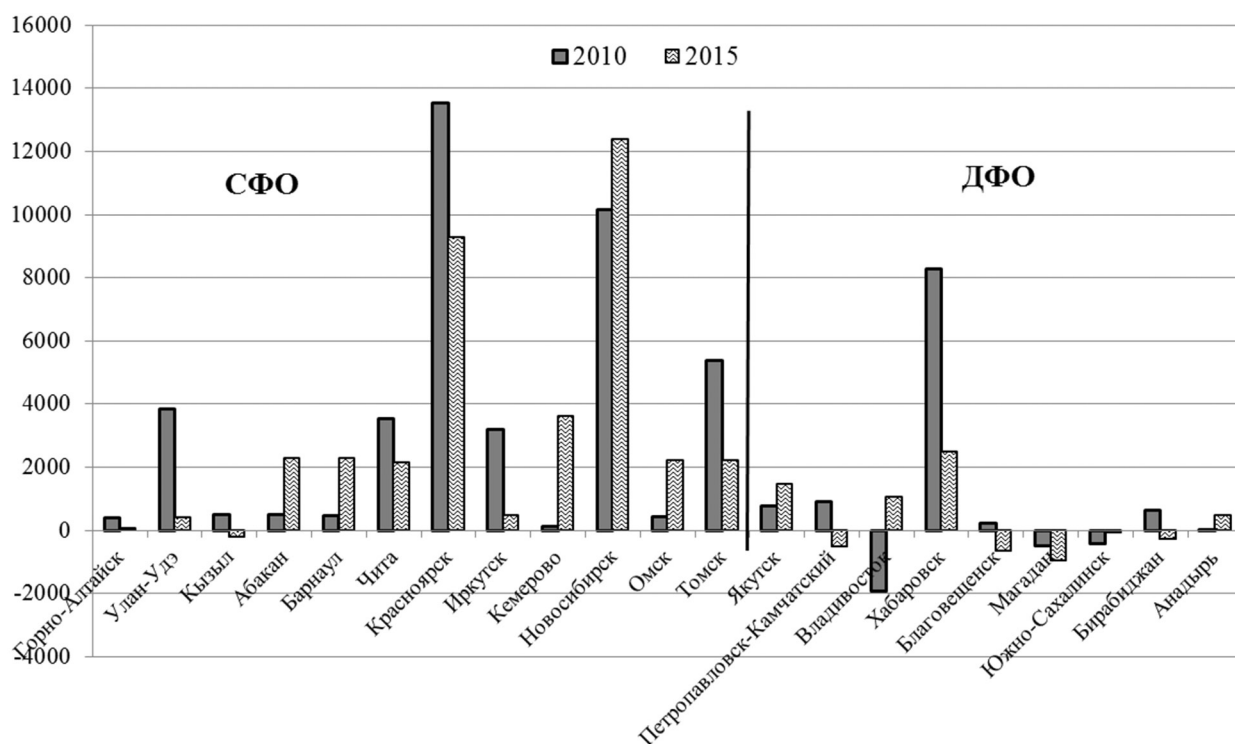

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения городов СФО и ДФО, чел. (источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/main.htm (дата обращения 20.05.2017))

для территорий, с одной стороны, слабо заселенных (Чукотский АО (1,2 %), Магаданская обл. (1,2 %), Камчатский край (0,83 %)), а с другой — находящихся в условиях глубокого социально-экономического кризиса (ЕАО (1,01 %), Забайкальский край (0,63 %), Республика Тыва (0,49 %)). Среди всех регионов казахстанского и восточносибирского приграничья выделяются ЕАО и Забайкальский край, демонстрирующие более интенсивные процессы обезлюдения территорий. В отношении последнего даже высокие показатели воспроизводства бурятского населения не сглаживают остроты миграционной проблемы. Сложившаяся ситуация говорит о высокой значимости даже минимальных потерь для депрессивных регионов, в особенности граничащих с Китаем.

Естественный прирост населения и приток мигрантов из других российских регионов и сопредельных стран не компенсируют миграционную потерю собственных жителей. В этом отношении существует опасность определенного этнического дисбаланса в структуре прямого и обратного миграционных потоков регионов [23, с. 24]. Постепенное замещение собственного убывающего населения мигрантами сопредельных государств, пусть и не получающих гражданства, но активно занимающихся предпринимательской и хозяйственной деятельностью, в отличие от эко-

номически более инертных местных жителей, свидетельствует о действии механизмов постепенного экстенсивного освоения данных территорий гражданами других государств [24]. В большей степени это касается приграничных регионов, являющихся передовыми линиями фронта и контактными территориями.

Ситуация в регионах зеркально отражается в городском пространстве рассматриваемых территорий. С учетом того, что городская модель воспроизводства населения не способствует нормальному восполнению поколений [25], ситуация с миграцией еще больше обнажает существующие демографические проблемы городов. Миграционная мобильность населения городов СФО и ДФО демонстрирует черты трансформации сельско-городского континуума (рис. 1). С одной стороны, центральные звенья системы расселения Восточной Сибири — крупные города (Новосибирск, Красноярск) — продолжают наращивать свое население за счет миграционной составляющей, пусть где-то и с меньшими темпами прироста. С другой стороны, все остальные города теряют свою миграционную привлекательность: в 2010 г. моноцентризм некоторых городов — локусов системы расселения — был выражен значительно сильнее, чем на современном этапе. На этом фоне выделяются города, активно на-

рашивающие свой демографический потенциал за счет мигрантов. Если Кемерово и Омск притягивают население с территорий других субъектов высокими возможностями приложения труда, то Абакан и Барнаул, скорее всего, увеличивают собственную численность за счет ресурсов своей городской и сельской местности. Аутсайдером в данной ситуации выступает Кызыл, отрицательное значение прироста населения которого говорит о наступлении глубокого кризиса социально-экономического развития краевого центра, не способного удерживать даже собственное население.

Более неблагоприятная ситуация в отношении миграционной привлекательности и подвижности мигрантов складывается для городов ДФО (рис. 1). Во-первых, здесь величины миграционных потоков для городов значительно ниже, чем в СФО. Во-вторых, миграционный прирост наблюдается только в крупных городах — Якутске, Владивостоке и Хабаровске. Это означает, что ситуация с привлекательностью территорий сложна, и в них есть проблемы закрепления собственных жителей. Исключение — Анадырь. Остальные города не только не привлекают мигрантов, но и теряют собственное население в результате механической убыли.

Местное и пришлое население. Другим важным показателем уровня миграционной мобильности населения является число перемещений, которые совершает человек в течение всей или части своей жизни [26]. Не имея возможности из-за отсутствия доступных данных представить современную картину процесса, предлагаем на основе косвенных показателей рассмотреть некоторые общие особенности ситуации, сложившейся на момент последней переписи населения.

Итоги последней переписи содержат данные о численности родившихся и проживающих в своем регионе — жителей, относящихся к местным уроженцам. Эти данные можно использовать для характеристики устойчивости ядер формирования населения регионов — прослойки населения, являющейся базовой составляющей демографического потенциала территории [27]. Она определяет стабильность демографического развития территории и миграционные настроения жителей в общей совокупности. Формируют ядра расселения в большей степени группы молодых и трудоспособных возрастов. Подобную методику предлагает С.И. Абылкаликов, определяя соотношение старожилов и всех мигрантов в регионе как характеристику приживаемости населения [28, с. 66].

Для большинства регионов СФО и ДФО основу ядра расселения населения формируют местные уроженцы, кроме Республики Хакасия, Камчатского края, Магаданской обл. и Еврейской АО, для которых их доля в населении региона чуть больше 50 % (табл. 1). Представленная картина означает, что в процессах формирования населения указанных регионов кроме естественных процессов воспроизводства и убыли значительную роль играют миграционные перемещения населения.

Итоги переписи содержат и другие интересные данные о населении регионов, дающие возможность количественно оценить внутрироссийские миграционные потоки. В качестве показателя уровня внутренней мобильности россиян можно использовать размер прослойки уроженцев рассматриваемых регионов, проживающих в других субъектах РФ (табл. 1). В этом контексте наименьшей среди всех регионов округов миграционной мобильностью характеризуется Республика Алтай: только 9,1 % ее уроженцев, проживающих на момент переписи на территории России, мигрировали в другие субъекты РФ. Среди уроженцев сибирских регионов больше всего расселены по стране забайкальцы (29 %). По регионам ДФО значительно теряет свое население Магаданская обл., больше половины родившихся в которой (62,4 %) проживают не в родных краях. Подобная ситуация демонстрирует также уровень закрепляемости собственного населения на территории, степень донорства в условиях межрегионального перераспределения населения.

Однако несмотря на отмеченные региональные особенности по сибирским и дальневосточным регионам в целом наблюдается сохранение собственного населения, кроме территорий, характеризующихся исторически слабой заселенностью и освоенностью, сложными природно-климатическими условиями для проживания. При этом самыми приверженными к родным местам являются непрерывно проживающие в месте своего постоянного жительства с рождения: по данным последней переписи, во всех рассматриваемых регионах лишь каждый третий житель живет на территории своего рождения. Остальные респонденты стали жителями других субъектов в результате внутрирегиональных перемещений населения.

Динамика расселения уроженцев рассматриваемых регионов отражает рост различной степени интенсивности территориальной подвижности населения практически по всем

Таблица 1

**Характеристика территориальной подвижности населения регионов СФО и ДФО
(по данным переписи 2010 г.)**

Регионы	Доля родившихся и проживающих в своем регионе в общей численности населения региона, %	Доля родившихся в регионе, но проживающих в других регионах РФ, в % к родившимся в регионе
<i>Сибирский федеральный округ</i>		
Республика Алтай	76,4	9,1
Республика Бурятия	81,0	19,7
Республика Тыва	93,2	15,7
Республика Хакасия	50,8	18,7
Алтайский край	78,2	24,0
Забайкальский край	83,7	29,0
Красноярский край	71,8	23,5
Иркутская область	74,5	20,1
Кемеровская область	76,3	20,3
Новосибирская область	69,6	19,8
Омская область	75,0	18,7
Томская область	68,8	20,2
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>		
Республика Саха (Якутия)	77,0	19,0
Камчатский край	53,5	36,3
Приморский край	64,3	23,9
Хабаровский край	62,7	28,2
Амурская область	72,8	32,1
Магаданская область	52,2	62,4
Сахалинская область	65,7	39,6
Еврейская АО	57,1	29,5
Чукотский АО	35,3	38,1

Источник: рассчитано авторами.

субъектам. Для регионов СФО характерно значительное снижение контингента уроженцев территории — практически в 2 раза (табл. 2). Подобные процессы означают значительность роли миграционных перемещений в городской и сельской местности, в особенности на современном этапе. На региональном уровне это приводит к трансформации системы расселения, изменению градиентов концентрации городского и сельского населения, качественным изменениям в восприятии места рождения и проживания.

Для большинства дальневосточных регионов исторически характерен низкий уровень оседлости мигрантов, обусловленный природно-климатическими особенностями и слабой заселенностью и освоенностью территории. Это подчеркивает определенную стагнацию демографической и социально-экономической ситуации, сохраняющуюся на протяжении длительного периода. Несмотря на это, в некоторых регионах ДФО (Камчатский и Хабаровские края, Магаданская обл., Еврейская АО и Чукотский АО) в 2010 г. отмечается незна-

чительное увеличение численности местных уроженцев в сравнении с 1989 г.

Еще одной характерной особенностью миграционной мобильности, на наш взгляд, является выбор мигрантами нового места для проживания за пределами своей малой родины. В качестве количественной характеристики этого процесса может служить доля приезжих в общей численности населения региона. По этому показателю среди всех восточных регионов России по итогам последней переписи населения лидирует Чукотский АО (64,7 %), а Республику Тыву в качестве нового места жительства выбирали меньше всего (6,8 % приезжих). Полученные величины не отражают годовые значения миграционного баланса регионов, а позволяют косвенно продемонстрировать миграционную привлекательность регионов.

Закрепляемость мигрантов на территории. Вопрос закрепления мигрантов на территориях их въезда означает определенную степень приживаемости пришлое населения и более благоприятные жизненные ус-

Таблица 2

Количество респондентов регионов СФО и ДФО, непрерывно проживающих в месте своего постоянного жительства с рождения, чел. на 1000 чел. населения (по данным переписей 1989, 2002, 2010 гг.)*

Регионы	1989	2002	2010
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
Республика Алтай	679	525	337
Республика Бурятия	734	565	428
Республика Тыва	814	613	438
Республика Хакасия	382	410	362
Алтайский край	739	522	376
Забайкальский край	631	595	431
Красноярский край	547	465	397
Иркутская область	652	529	446
Кемеровская область	640	573	498
Новосибирская область	708	551	435
Омская область	768	555	421
Томская область	624	488	420
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>			
Республика Саха (Якутия)	572	522	411
Камчатский край	355	423	417
Приморский край	562	499	434
Хабаровский край	441	480	460
Амурская область	569	478	387
Магаданская область	211	363	363
Сахалинская область	489	491	415
Еврейская АО	318	449	370
Чукотский АО	235	415	313

* Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения республик СССР и их регионов по месту рождения [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php?reg=18 (дата обращения 20.05.2017); ВПН 2002. Том 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=19> (дата обращения 20.05.2017); ВПН 2010. Т. 8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_togi1612.htm (дата обращения 20.05.2017).

ловия в местах вселения. Приживаемость мигрантов на новом месте характеризует завершающую стадию миграционного процесса при благоприятных условиях адаптационного процесса превращения новоселов в старожилов. Более точную, на наш взгляд, характеристику результативности и эффективности миграции выражает коэффициент оседлости $K_{осед}$:

$$K_{осед} = \frac{\sum \Pi - \sum \Upsilon}{\Upsilon_{cp}} \times 1000, \quad (3)$$

где Υ_{cp} — средняя численность выбывших из данной местности за три года; $\sum \Pi$ и $\sum \Upsilon$ —

число прибывших и выбывших из региона за три года, соответственно.

Расчеты выполнены по данным Росстата за 2013–2015 гг. Дифференциация регионов двух восточных федеральных округов по этому показателю представлена на рисунке 2. За рассматриваемый период приграничные регионы (Забайкальский край, Республика Тыва, Еврейская АО), а также территории, характеризующиеся более дискомфортными природно-климатическими условиями проживания (Республика Саха (Якутия), Магаданская обл.), демонстрируют очень низкую оседлость мигрантов. В них практически каждый второй покинул территорию постоянного места жительства. Относительно благоприятная миграционная ситуация наблюдается в регионах, имеющих промышленные и научно-технические потенциалы, развитый сектор услуг, следовательно, выступающих локусами миграционного притяжения (Новосибирская и Томская области, Красноярский край).

Ситуация, наблюдаемая в большей части регионов с невысоким уровнем приживаемости пришлого населения, отражает степень неудовлетворенности условиями проживания. В этом отношении следует обратить внимание на неэффективность миграционной политики и проблемы социально-экономического развития этих регионов.

Экономические факторы миграционной мобильности населения

Уровень экономического развития регионов является одним из основных факторов, обуславливающих миграцию [29–31]. Окружающая человека среда, информационные ресурсы, социальные контакты и связи способствуют формированию у него определенных представлений об уровне жизни людей не только непосредственно в месте его постоянного проживания, но и на других территориях, о возможностях развития и приложения труда. Сложившиеся таким образом представления об уровне жизни в других регионах, неудовлетворенность реальной экономической ситуацией и комфортностью проживания в собственном регионе вызывают желание изменить качество своей жизни, мотивируют на принятие решения о возможной перемене места жительства, на выбор перспективных и подходящих вариантов переезда в другой регион. Катализатором усиления миграционных настроений в этом случае становятся значимые социально-экономические изменения в его жизни в месте прежнего проживания.

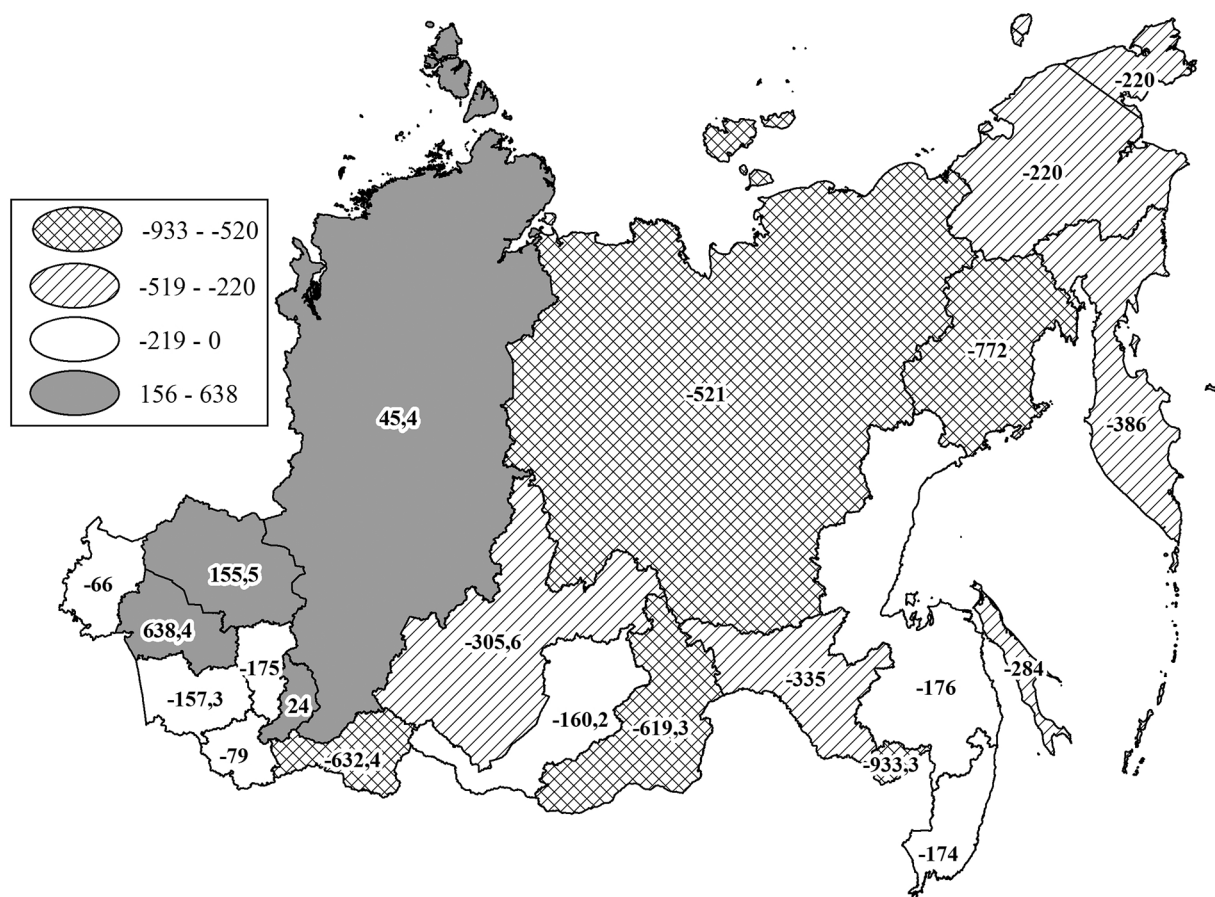

Рис. 2. Дифференциация регионов СФО и ДФО по коэффициенту оседлости населения (рассчитано авторами)

Среди подобных условий выделяются сложности с трудоустройством и поддержанием достойного уровня жизни, являющиеся главными факторами миграции.

Различия в качестве жизни населения на территории страны обуславливают существование разнонаправленных факторов миграции, которые, по Э. Ли [29], оказывают притягивающее (аттрактивное) и выталкивающее действия, формирующие миграционное поведение людей. В условиях кризиса действие этих факторов усиливается за счет нарастающей разницы в социальных и экономических условиях проживания в разных регионах. В этом аспекте большая часть российских исследований ограничивается описанием указанных факторов, в некоторых работах приводятся расчеты для их определения [14, 32, 33–35].

В данной работе представлены результаты выявления социально-экономических факторов, мотивирующих миграцию на мезоуровне — для каждого региона Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Ввиду того что учреждения статистики не публикуют информацию о направлениях прибытия и выбытия мигрантов, были использо-

ваны данные итогов переписи 2010 г. Базовым показателем географии районов выхода и мест вселения мигрантов является распределение рожденных по территориям проживания. Этот показатель позволяет косвенно говорить о географических предпочтениях мигрантов в пространстве страны.

Итоги анализа подтверждают существующую неоднородность экономического пространства страны, определяющую центрально-периферийные аспекты миграционных перемещений населения. В этом контексте Г.А. Несветайлов считает центр территории сосредоточием факторов притяжения, а периферию — фактором выталкивания [36]. Каждый территориальный центр — успешный в экономическом плане регион страны — в условиях миграционных перемещений становится местом притяжения. Таким образом, экономическое пространство территории страны можно представить по Ф. Перру как «...некое силовое поле, напряженность которого неравномерна и в котором действуют определенные центростремительные силы, направленные к неким центрам, полюсам, и исходящие из них силы — центробежные» [37, с. 84]. Ядрами этого экономического пространства выступают эконо-

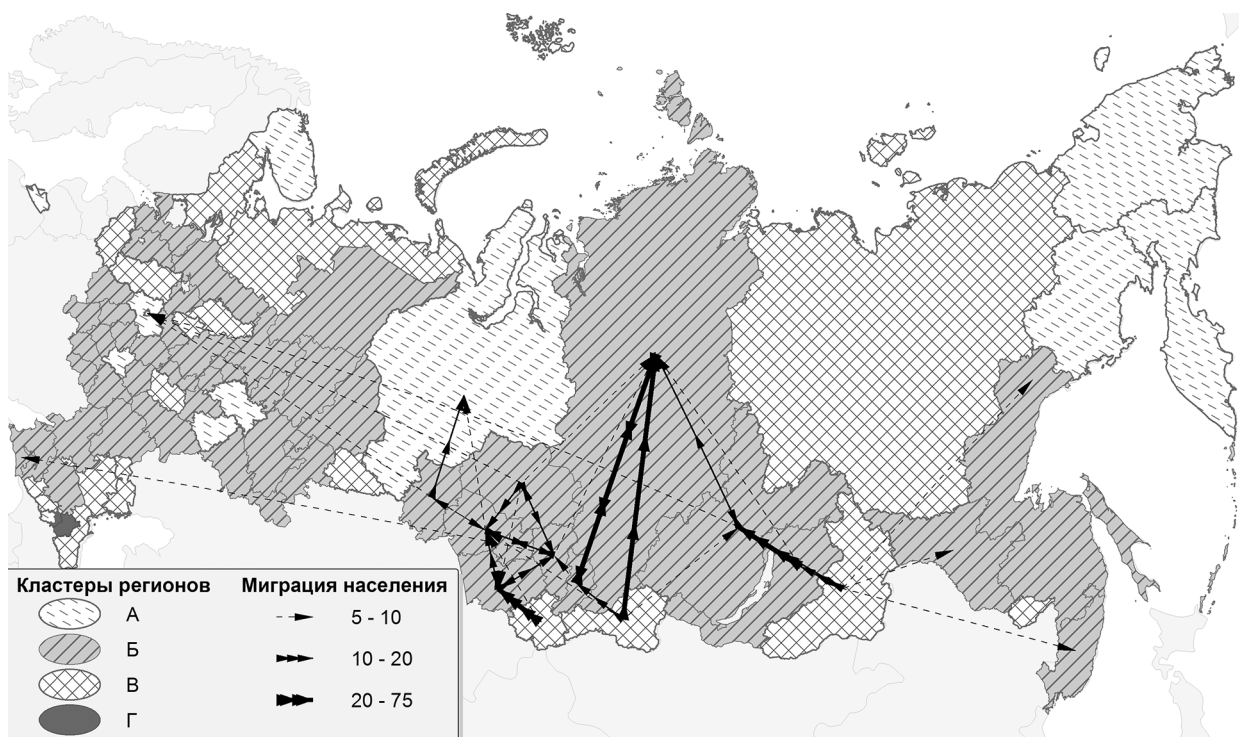

Рис. 3. География миграции уроженцев регионов СФО на момент переписи 2010 г.

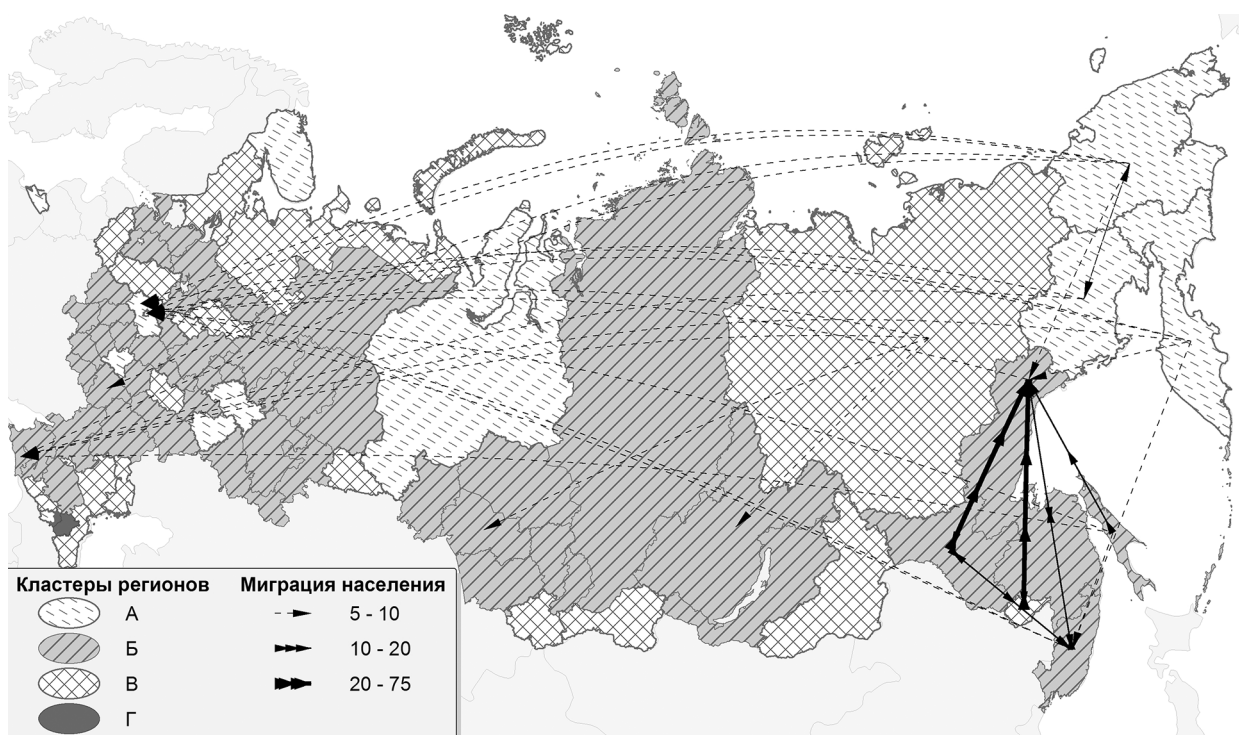

Рис. 4. География миграции уроженцев регионов ДФО на момент переписи 2010 г.

мические полюсы развития, притягивающие мигрантов. Проведенный кластерный анализ позволяет выделить эти ядра. Взаимосвязь социально-экономической дифференциации регионов и мощности и направлений миграционных потоков из восточных регионов страны иллюстрируют рисунки 3 и 4.

Для регионов кластера А притягивающими мигрантов факторами выступают высокая занятость населения, хороший уровень благоустройства жилого фонда, высокие показатели доходов населения и уровень экономического развития (табл. 3). В центральной части России это города Москва и Санкт-Петербург и сосед-

Таблица 3

Характеристика экономических кластеров регионов РФ

Кластер	Число регионов	Агрегированные блоковые индексы											
		Занятость населения			Жилой фонд			Благополучие населения			Малый и средний бизнес		
		min	max	сред.	min	max	сред.	min	max	сред.	min	max	сред.
А	13	0,62	0,95	0,78	0,70	0,82	0,76	0,46	0,76	0,57	0,13	0,80	0,43
Б	47	0,54	0,80	0,65	0,42	0,67	0,59	0,43	0,61	0,54	0,33	0,59	0,43
В	18	0,40	0,71	0,58	0,36	0,65	0,51	0,44	0,57	0,52	0,08	0,41	0,28
Г	2	0,19	0,37	0,28	0,63	0,81	0,72	0,53	0,57	0,55	0,04	0,10	0,07

Источник: Расчеты авторов.

ние с ними области. Кроме того, в него входят Липецкая, Калининградская, Мурманская и Магаданская области, Республика Северная Осетия, Чукотский АО, Камчатка. Попадание восточных территорий в этот кластер обусловлено высокими значениями частных индексов в таких группах показателей, как занятость населения, жилой фонд и доходы и расходы.

В Чукотском АО, Магаданской обл. и Камчатском крае одни из самых низких по стране значения показателей уровня безработицы и занятых в неформальном секторе экономики и самые высокие — уровня экономической активности населения, высокие доходы и уровень благоустройства жилья.

Кластер Б имеет более низкие значения показателей, но достаточно значимые для формирования миграционной привлекательности. Большая часть субъектов СФО, а также юго-восточные регионы ДФО относятся к этой группе. Миграционная привлекательность регионов данного кластера формируется за счет относительной стабильности на рынке труда и высокого качества жизни населения.

Регионы, формирующие кластер В, — периферийные, пограничные территории и области с суровыми природно-климатическими условиями, имеющие низкие аттрактивные возможности и значительный миграционный отток собственных жителей. В него попали 5 восточных регионов РФ — республики Алтай, Тыва и Якутия, Забайкальский край и Еврейская АО. Для этих регионов выталкивающими факторами являются социально-экономическое неблагополучие и географическая удаленность. Несмотря на выгодность транспортного географического положения и богатство минерально-сырьевого комплекса, регионы находятся в условиях хозяйственного кризиса.

Кластер Г включает только 2 региона — Республику Ингушетию и Чеченскую Республику, в которых самые низкие значения обобщенных индексов занятости и эко-

номического развития, и, соответственно, эти регионы имеют низкую миграционную привлекательность.

Потоки перемещения мигрантов в СФО и ДФО отражают влияние не только экономических факторов, но и географического положения регионов. По мощности потоков мигрантов главный локус Восточной Сибири формируется Новосибирской, Томской, Кемеровской областями и Алтайским краем. Основной поток направлен в Новосибирскую обл. В СФО «лидером» по потере коренного населения является Забайкальский край — 29 % рожденных в нем перебираются по тем или иным причинам в другие регионы страны. Меньше всего покидают родной регион жители Республики Алтай — всего 9 %, основной поток которых (71 %) оседает в Алтайском крае. Мигранты, рожденные в приграничных регионах округа, стремятся в Красноярский край, Новосибирскую область и прилегающие к ней регионы.

Локус дальневосточных миграций связывает Приморский и Хабаровские края, Амурскую и Сахалинскую области. В ДФО показатели оттока коренного населения в целом несколько выше, чем в СФО: меньше всего покидают родной регион жители Республики Саха (Якутия) — 19 %; в остальных регионах, кроме Магаданской обл. (62,4 %), этот показатель варьирует от 23,9 (Приморский край) до 39,6 % (Сахалинская обл.). Особенностью миграционных перемещений для этого округа является выраженная центростремительность, связанная с радикальной сменой природно-климатических условий. В большей степени это характерно для северо-восточных территорий.

Периферийность географического положения восточных регионов РФ и ее сложные природно-климатические условия уже сами по себе инициирующие отток населения в более комфортные для проживания центральные регионы страны, сопряженные с социально-экономической периферийностью этих регионов, усугубляющей существующий мигра-

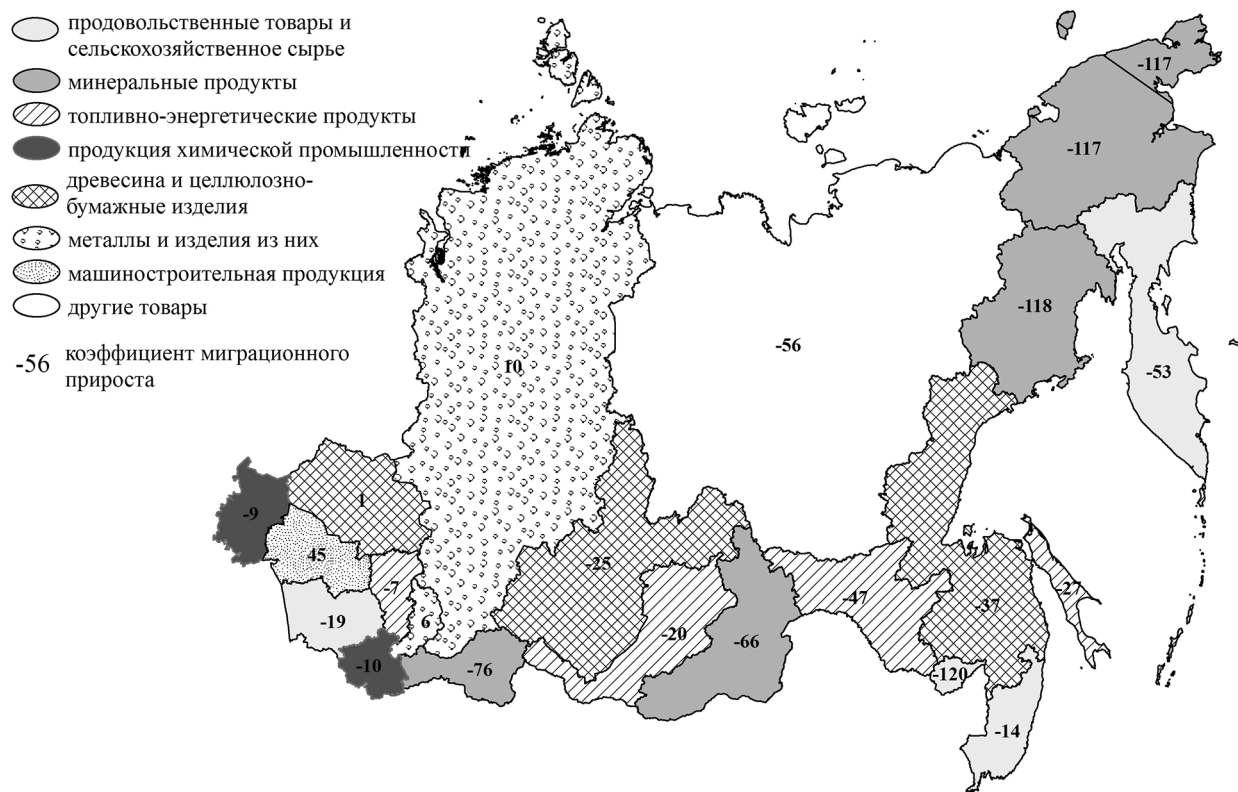

Рис. 5. Миграционный прирост в восточных регионах РФ и экспортно-сырьевая направленность их экономик (источники: Внешняя торговля субъектов РФ СФО [Электронный ресурс]. URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=34&Itemid=25 (дата обращения 10.06.2017); Внешняя торговля субъектов РФ ДФО [Электронный ресурс]. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=303&Itemid=282 (дата обращения 20.08.2017))

ционный процесс, выступают мощными выталкивающими факторами для населения этих территорий. Во многом подобная ситуация обусловлена неэффективностью приграничной региональной экономики. Сырьевая направленность хозяйственной деятельности регионов, в особенности приграничных, не способствует реализации имеющихся экономических потенциалов территорий, что отражается на уровне жизни его жителей и их миграционной активности (рис. 5). Так, в СФО и ДФО самый высокий уровень безработицы наблюдается в Республике Тыва (18,6 %) и Забайкальском крае (10,4 %)¹. При этом, для последнего, единственного среди всех рассматриваемых субъектов, наблюдается рост уровня безработицы с 2005 г.

Отличаются приграничные регионы и по показателю неудовлетворенности имеющейся работой. Высокие доли ищущих дополнительную работу (в общей численности занятых) наблюдаются в Республиках Тыва (22,3 %), Бурятия (21,2 %) и Алтай (16,5 %), в Забайкальском крае

(12,4 %)². Среди регионов, имеющих приморское положение, самое высокое значение — у Магаданской области (23,5 %). Проблемы с официальным трудоустройством в регионах способствуют занятости в неформальном секторе экономики. В этом отношении снова лидируют Республики Алтай (41,2 %), Бурятия (31,8 %) и Тыва (30,7 %). Для ДФО максимальная величина в Приморском крае (28,2 %)³.

Показательной характеристикой развития экономики регионов является величина численности работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума. В этом отношении в СФО лидерство принадлежит уже не раз упомянутым ранее Республикам Тыва (38,2 %) и Алтай (24,3 %) и Забайкальскому краю (20,4 %)⁴. Для ДФО только в Еврейской АО зарегистрировано вы-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

² Рабочая сила, занятость и безработица в России. По результатам выборочных обследований рабочей силы. 2016. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 146 с.

³ Численность занятых в неформальном секторе по типу занятости по субъектам Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm (дата обращения 20.08.2017).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

сокое значение этого показателя — 24,3 %, в остальных регионах округа значения намного ниже. Подобная ситуация по данному показателю в регионах-аутсайдерах коррелирует с миграционным оттоком населения в них, что подтверждает тезис о взаимосвязанности данных явлений.

Неблагоприятная социально-экономическая обстановка во многих приграничных регионах не только не способствует привлечению мигрантов, но и экономически не может удерживать собственных жителей, пусть и связанных социальными, родственными узами с территорией рождения. Косвенно о степени привлекательности регионов для собственных жителей говорит также удельный вес вернувшихся к прежнему месту жительства из территорий временного пребывания. Так, по данным статистики, в 2016 г. по обоим округам наименьшее число вернувшихся в родной регион в Забайкальском крае (12,5 %) и Республике Тыва (14,6 %), наибольшие — в Томской области (40,7 %) и Чукотском АО (40,5 %). Кроме того, нарастающее социальное неравенство в регионах дополнительно стимулирует жителей, имеющих устойчивое финансовое положение, устраивать свою жизнь за пределами регионов своего изначального проживания. Так, приграничные регионы СФО лидируют по высокому удельному весу домохозяйств, испытывающих нехватку денежных средств на еду: Республика Хакасия — 5,2 %, Республика Бурятия — 2,7 %, Забайкальский край — 2 %¹. При этом в регионах Дальнего Востока только для Сахалинской области характерны подобные высокие значения — 3,6 %.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, можно сделать ряд выводов.

Миграционная мобильность населения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока имеет свои территориальные различия: жители СФО по сравнению с ДФО более подвижны, и потоки перемещения мигрантов для них более выражены, если рассматривать лишь абсолютные величины. Однако в силу существенной разницы в численности населения миграционные потери для дальневосточных регионов более значимы. Более того, в

статистической отчетности эта ситуация сглаживается за счет зарубежных мигрантов, поэтому потери собственного населения дальневосточных регионов еще более угрожающие. Однако, несмотря на исчерпание ресурсов молодых и трудоспособных возрастов, основной костяк, ядро расселения жителей всех рассматриваемых регионов формируется за счет уроженцев этих территорий. При этом лишь каждый третий их житель непрерывно живет на территории своего рождения, что говорит о высокой миграционной подвижности населения.

Наиболее уязвимыми в социодемографическом отношении являются слабо заселенные регионы и субъекты РФ с дискомфортными природно-климатическими условиями проживания. В большей степени это периферийные и приграничные депрессивные регионы, являющиеся стабильными территориями-донорами. Они отличаются высокой потерей собственного населения и низкой закрепляемостью мигрантов.

На современном этапе наблюдается дотационный характер и усиление сырьевой направленности экономик приграничных территорий. Они не только малопривлекательны для мигрантов, но и активно теряют собственное население. Миграционная подвижность выступает одним из видов экономического поведения населения, способствующего заселению других территорий. Она усиливает эффекты истощения демографических ресурсов территорий и делает все более пронизываемым приграничное пространство страны.

Проведенный анализ трендов миграционной мобильности населения регионов СФО и ДФО и их сопоставление с показателями социально-экономического развития всех субъектов РФ дали возможность представить не только направления перемещений мигрантов, но и определяющие их факторы. Картина миграционных перемещений жителей регионов СФО и ДФО отражает действие западного дрейфа и влияние географического соседства регионов. Мигранты стремятся в регионы, которые располагают более высокими показателями занятости, лучшим жилищным фондом и высокими доходами населения. Существующая экономическая неоднородность территории страны лишь усиливает миграционные тренды. В этом процессе все больше проигрывают регионы периферии и приграничья — их усугубляющаяся экономическая отсталость способствует еще большему обособлению и хозяйственному ослаблению.

¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 20.08.2017).

Несмотря на существующее мнение о невысокой мобильности жителей периферии по сравнению с центром, на современном этапе представленная картина миграции свидетельствует о более активной позиции населения этих регионов в поисках лучшей жизни. Это способствует все большему обособлению данных территорий, являющихся заложниками ресурсной политики и закрепивших за собой функции территорий-доноров мигрантов. Такая ситуация лишь снижает их барьерные функции в геодемографической репрезентативности российской территории. Недооценка их геополитической значимости в демографическом отношении может иногда не восприниматься, однако не нужно забывать

слова Б. Франклина о том, что «большая империя, как большой пирог, начинает крошиться с краев», тем более что соседи России отмечают все происходящие изменения. По мнению Цзе Ши, «за долгие годы отсутствия внимания «центра» Сибирь и Дальний Восток превратились в зону «депрессии», особенно — по сравнению со смежными быстро развивающимися странами АТР» [38, с. 38]. Все более усугубляющаяся экономическая отсталость периферии становится мощным выталкивающим фактором, стимулирующим миграционную активность населения и выявляющую на географической карте страны наиболее уязвимые территории с низким качеством жизни.

Благодарность

Работа выполнена в рамках Проекта XI.174.1.8. по Программе ФНИ СО РАН.

Список источников

1. King R. Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect // Population, Space and Place. — 2012. — Vol. 18(2). — Pp. 134–153. — DOI: 10.1002/psp.685.
2. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007. — 336 p.
3. Sheller M., Urry J. Mobilizing the New Mobilities Paradigm // Applied Mobilities. — 2016. — Vol. 1(1). — Pp. 10–25. — DOI: 10.1080/23800127.2016.1151216.
4. Cresswell T. Mobilities I: Catching up // Progress in Human Geography. — 2010. — V. 35(4). — Pp. 550–558. — DOI: 10.1177/0309132510383348.
5. Строев П. В., Кан М. И. Пространственная мобильность населения. Экономический и социальный аспекты // Экономика. Налоги. Право. — 2016. — Т. 9. — № 6. — С. 35–41.
6. Горина К. В., Булаев В. М. Геополитическое значение демографической ситуации в пограничном регионе России // Региональные исследования. — 2012. — № 4. — С. 77–82.
7. Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Растов М. А. Рейтинг как мера оценки качества жизни в российских регионах // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 1. — С. 137–146. — DOI: 10.17059/2017–1–13.
8. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 1. — С. 49–62. — DOI: 10.17059/2017–1–5.
9. Пыжев А. И., Пыжева Ю. И. Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края. Новый подход // Региональная экономика. Теория и практика. — 2015. — № 34(409). — С. 30–40.
10. Клевакина Е. А., Забелина И. А. Межрегиональное неравенство в России. Экологический аспект // Регион. Экономика и социология. — 2012. — № 3. — С. 203–213.
11. Glazyrina I. P., Faleichik A. A., Faleichik L. M. Cross-border cooperation in the light of investment processes: more minuses than pluses so far // Problems of Economic Transition. — 2012. — Vol. 55(6). — Pp. 43–62. — DOI: 10.14530/se.2014.4.170–178.
12. Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. — 2015. — № 4(44). — С. 185–196. — DOI: 10.17059/2015–4–15.
13. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения. Перспективы и риски / под ред. И. П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. — Чита : ЗабГУ, 2014. — 527 с.
14. Алешковский И. А. Детерминанты внутренней миграции населения в России автореф. дис. ... канд. экон. наук. — М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. — 28 с.
15. Человеческий потенциал российских регионов / Римашевская Н. М., Бочкарева В. К., Мигранова Л. А., Молчанова Е. В., Токсанбаева М. С. // Народонаселение. — 2013. — № 3 (61). — С. 84–141.
16. Molchanova E. V., Kruchek M. M., Kibisova Z. S. Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2014. — № 3. — Pp. 196–208.
17. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. — М.: Наука, 1991. — 132 с.
18. Зайончковская Ж. А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион. Экономика и социология. — 2012. — № 3(75). — С. 3–18.
19. Мкртчян Н. В. Миграционная мобильность в России. Оценки и проблемы анализа // SPERO. — 2009. — № 11. — С. 149–164.

20. Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России / Воробьева О. Д., Топилин А. В., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, Вып. 1. — С. 175–188. — DOI: 10.17059/2016-1-13.
21. Мотрич Е. Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России. Основные тренды и вызовы // Народонаселение. — 2016. — Т. 1. — № 1 (71–1). — С. 25–33.
22. Glazyrina I. P., Faleichik L. M. Russia's Eastern Borderlands: The Problem of Supplying Human Capital // Problems of Economic Transition. — 2016. — V. 58 (7–9). — Pp. 697–710. — DOI: 10.1080/10611991.2016.1251217
23. Романовская Е. С. Роль внешней миграции на Дальнем Востоке // Сервис plus. — 2009. — № 3. — С. 21–28.
24. Gorina K. V., Faleichik L. M. Features of Foreign Labor Migration in the Context of Development of Russia's Eastern Border Regions // Problems of Economic Transition. — 2016. — V. 58(7–9). — Pp. 682–696. — DOI: 10.1080/10611991.2016.1251212.
25. Булаев В. М., Горина К. В. Воспроизводственный потенциал городского и сельского населения Забайкальского края // Социологические исследования. — 2013. — № 12. — С. 95–99.
26. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Вопросы теории. — М.: ИСПИ РАН, 2003. — 240 с.
27. Булаев В. М. Этно-национальные особенности формирования населения Восточного Забайкалья. Социально-географическая интерпретация. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. — 171 с.
28. Абылкаликов С. И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. — 2015. — № 3 (49). — С. 65–73.
29. Lee E. S. A theory of migration // Demography. — 1966. — V. 3(1). — Pp. 47–57. — DOI: 10.2307/2060063.
30. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. — 1885. — V. 48(2). — Pp. 167–235.
31. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. — М.: Новый хронограф, 2016. — 504 с. — DOI: 10.15356/ВНАН2016.
32. Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data // Economics of Transition. — 2004. — V. 12(1). — Pp. 1–27. — DOI: 10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x.
33. Прогнозирование межрегиональных миграционных потоков / Шмидт Ю. Д., Ивашина Н. В., Лободин П. Н., Кухлевский А. Л. // Экономика региона. — 2017. — Т. 13(1). — С. 126–136. — DOI: 10.17059/2017-1-12.
34. Vakulenko E. S. Econometric analysis of factors of internal migration in Russia // Regional Research of Russia. — 2016. — V. 6(4). — Pp. 344–356.
35. Vakulenko E. S., Mkrtychyan N. V., Furmanov K. K. Econometric analysis of internal migration in Russia // Montenegrin Journal of Economics. — 2011. — V. 7(2). — Pp. 21–33.
36. Несветайлов Г. А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования. — 1995. — № 7. — С. 26–40.
37. Перру Ф. Экономическое пространство. Теория и приложения / Пер. с англ. А. П. Горюнова // Пространственная экономика. — 2007. — № 2. — С. 77–93.
38. Цзе Ши. Китайский фактор на новом этапе развития восточных регионов России // ЭКО. — 2017. — № 3(513). — С. 37–47.

Информация об авторах

Шворина Ксения Владимировна — кандидат географических наук, младший научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН; ORCID: 0000-0002-7731-4871; Researcher ID : E-4695-2018; Scopus Author ID: 57195959454 (Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 16 а; e-mail: gorina08@yandex.ru).

Фалейчик Лариса Михайловна — кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН; доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ); Researcher ID: B-4346-2016; Scopus Author ID: 15122175500; ORCID: 0000-0003-2963-1992 (Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 14; 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: lfaleychik@bk.ru).

For citation: Shvorina, K. V. & Faleychik, L. M. (2018). Main Directions of Migration Mobility of the Population in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(2), 485-201

K. V. Shvorina^{a)}, **L. M. Faleychik**^{a),b)}

^{a)} Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of RAS (Chita, Russian Federation)

^{b)} Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation)

Main Directions of Migration Mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts

The article considers the migration mobility in the regions of Eastern Siberia and Russian Far East. The purpose of the study is to analyze and characterize the migration mobility of the population of the Siberian Federal District (SFD) and the Far Eastern Federal District (EFD) as well as to identify the interregional migration factors that determine the geography of its directions. The main hypothesis of the study is that interregional differences in the social and economic development of regions play a

primary role in the formation of the repulsive and attractive factors of migration. We used statistical analysis and mathematical methods, as well as their geographical visualization. We have analyzed data from the Rosstat databases and have shown that migration losses in the SFD regions are significantly higher than in FEFD. However, for FEFD, these losses are more significant. Therefore, poorly populated and depressive regions deserve special attention. In these regions, even minimal migration losses considerably increase socio-demographic risks. We revealed that the indigenous population prevail in these territories. At the same time, the increasing territorial mobility of native inhabitants is observed. In most of the regions, there is a low migrant's adaptation level. We have proposed the authors' approach to the study of migration repulsive and attractive factors. It is based on the integration of the methods of multidimensional cluster analysis and geo-information analysis. This approach has allowed to classify the Russian regions in terms of their migration attractiveness as well as to show the geography of the prevailing migration movements for each region of SFD and FEFD. The results of the study have confirmed the dependence of migration mobility on the quality of life in different regions. These data may be applied to elaborate mechanisms for an effective policy of regional socio-economic development in the country. The promising direction for the further research is the application of our method at the municipal level. It may allow structuring regional economic spaces depending on the growth poles and the periphery.

Keywords: population mobility, interregional migration, regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts, native inhabitants of the territory, settled population, migration factors, migration geography, population census, cluster analysis, GIS technologies

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of Fundamental Research Project XI.174.1.8. of the Siberian Branch of RAS.

References

- King, R. (2012). Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect. *Population, Space and Place*, 18(2), 134-153. DOI: 10.1002/psp.685.
- Urry, J. (2007). *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 336.
- Sheller, M. & Urry, J. (2016). Mobilizing the New Mobilities Paradigm. *Applied Mobilities*, 1(1), 10-25. DOI: 10.1080/23800127.2016.1151216.
- Cresswell, T. (2010). Mobilities I: Catching up. *Progress in Human Geography*, 35(4), 550-558. DOI: 10.1177/0309132510383348.
- Stroev, P. V. & Kan, M. I. (2016). Prostranstvennaya mobilnost naseleniya: ekonomicheskiy i sotsialnyy aspekty [The Spatial Mobility of Population: Economic and Social Aspects]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law]*, 9(6), 35-41. (In Russ.)
- Gorina, K. V. & Bulaev, V. M. (2012). Geopoliticheskoye znachenie demograficheskoy situatsii v pogranichnom regione Rossii [Geopolitical value of a demographic situation in the boundary region of Russia]. *Regionalnyye issledovaniya [Regional Studies]*, 4, 77-82. (In Russ.)
- Kuznetsov, S. V., Rastova, Yu. I. & Rastov, M. A. (2017). Reyting kak mera otsenki kachestva zhizni v rossiyskikh regionakh [Rating Evaluation of the Quality of Life in Russian Regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(1), 137-146. DOI: 10.17059/2017-1-13. (In Russ.)
- Malkina, M. Yu. (2017). Sotsialnoye blagopoluchie regionov Rossiyskoy Federatsii [Social Well-Being of the Russian Federation Regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(1), 49-62. DOI: 10.17059/2017-1-5. (In Russ.)
- Pyzhev, A. I. & Pyzheva, Yu. I. (2015). Otsenka regionalnogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo blagopoluchiya Krasnoyarskogo kraya. Novyy podkhod [Evaluation of regional ecological and socio-economic well-being of the Krasnoyarsk Krai: a new approach]. *Regionalnaya ekonomika. Teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, 34(409), 30-40. (In Russ.)
- Klevakina, E. A. & Zabelina, I. A. (2012). Mezhhregionalnoye neravenstvo v Rossii: ekologicheskiy aspekt [Regional disparities in Russia: ecological aspect]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya [Regional Research of Russia]*, 3, 203-213. (In Russ.)
- Glazyrina, I. P., Faleichik, A. A. & Faleichik, L. M. (2012). Cross-border cooperation in the light of investment processes: more minuses than pluses so far. *Problems of Economic Transition*, 55(6), 43-62. DOI: 10.14530/se.2014.4.170-178.
- Lokosov, V. V., Ryumina, E. V. & Ulyanov, V. V. (2015). Regionalnaya differentsiatsiya pokazateley chelovecheskogo potentsiala [Management of Energy-Efficiency in the Context of New Climate Policy]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 4(44), 185-196. DOI: 10.17059/2015-4-15. (In Russ.)
- Glazyrina, I. P. & Faleychik, L. M. (2014). Prirodnyy kapital regiona i rossiysko-kitayskie transgranichnyye otnosheniya. Perspektivy i riski [Natural capital of the region and the Russian-Chinese cross-border relations: opportunities and risks]. Chita: ZabGU Publ., 527. (In Russ.)
- Aleshkovskiy, I. A. (2007). *Determinanty vnutrenney migratsii naseleniya v Rossii avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [The Determinants of Internal Migration in Russia]. PhD Thesis in Economics*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 28. (In Russ.)
- Rimashevskaya, N. M., Bochkareva, V. K., Migranov, L. A., Molchanova, E. V. & Toksanbaeva, M. S. (2013). Chelovecheskiy potentsial rossiyskikh regionov [Human potential of Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*, 3(61), 84-141. (In Russ.)

16. Molchanova, E.V., Kruchek, M. M. & Kibisova, Z. S. (2014). Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 3, 196-208.
17. Zayonchkovskaya, Zh. A. (1991). *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie [Demographic situation and settlement]*. Moscow: Nauka Publ., 132. (In Russ.)
18. Zayonchkovskaya, Zh. A. (2012). Federalnyye okruga na migratsionnoy karte Rossii [Federal districts on the Russian migration map]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya [Regional Research of Russia]*, 3(75), 3-18. (In Russ.)
19. Mkrtchyan, N. V. (2009). Migratsionnaya mobilnost v Rossii. Otsenki i problemy analiza [The migration mobility in Russia: Assessment and methodological problems]. *SPERO*, 11, 149-164. (In Russ.)
20. Vorobeva, O. D., Topilin, A. V., Grebenyuk, A. A. & Lebedeva, T. V. (2016). Analiz migratsionnykh protsessov po dannym perepisey naseleniya v Rossii [The Analysis of Migration Processes in Russia According to the Census]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 12(1), 175-188. DOI: 10.17059/2016-1-13. (In Russ.)
21. Motrich, E. L. (2016). Demograficheskaya situatsiya na Dalnem Vostoke Rossii. Osnovnye trendy i vyzovy [Demographic situation in the Russian Far East: the key trends and challenges]. *Narodonaselenie [Population]*, 1(1), (71-1), 25-33. (In Russ.)
22. Glazyrina, I. P. & Faleichik, L. M. (2016). Russia's Eastern Borderlands: The Problem of Supplying Human Capital. *Problems of Economic Transition*, 58 (7-9), 697-710. DOI: 10.1080/10611991.2016.1251217
23. Romanovskaya, E. S. (2009). Rol vneshney migratsii na Dalnem Vostoke [External Migration in the Far East]. *Service plus [Service Plus]*, 3, 21-28. (In Russ.)
24. Gorina, K. V. & Faleichik, L. M. (2016). Features of Foreign Labor Migration in the Context of Development of Russia's Eastern Border Regions. *Problems of Economic Transition*, 58(7-9), 682-696. DOI: 10.1080/10611991.2016.1251212.
25. Bulaev, V.M. & Gorina, K. V. (2013). Vosproizvodstvennyy potentsial gorodskogo i selskogo naseleniya Zabaykalskogo kraia [Reproductive potentialities of Trans-Baikal territory urban and rural inhabitants]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 12, 95-99. (In Russ.)
26. Rybakovskiy, L. L. (2003). *Migratsiya naseleniya. Voprosy teorii [Migration of the population. Issues of theory]*. Moscow: ISPI RAN Publ., 240. (In Russ.)
27. Bulaev, V. M. (1998). *Etno-natsionalnyye osobennosti formirovaniya naseleniya Vostochnogo Zabaykalya. Sotsialno-geograficheskaya interpretatsiya [[Ethno-national features of the East Transbaikalian population. Socio-geographical interpretation]*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 171. (In Russ.)
28. Abylkalikov, S. I. (2015). Migratsionnaya aktivnost i prizhivaemost naseleniya regionov Rossii [Migration activity and adaptation of population in regions of Russia]. *Regionalnyye issledovaniya [Regional Research]*, 3(49), 65-73.
29. Lee, E. S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3(1), 47-57. DOI: 10.2307/2060063. (In Russ.)
30. Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2), 167-235.
31. Nefedova, T. G., Averkieva, K. V. & Makhrova, A. G. (Eds). (2016). *Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii [Between home and... home. The return spatial mobility of population in Russia]*. Moscow: Novyy khronograf Publ., 504. DOI: 10.15356/BHAH2016. (In Russ.)
32. Andrienko, Y. & Guriev, S. (2004). Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data. *Economics of Transition*, 12(1), 1-27. DOI: 10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x.
33. Shmidt, Yu. D., Ivashina, N. V., Lobodin, P. N. & Kukhlevskiy, A. L. (2017). Prognozirovaniye mezhregionalnykh migratsionnykh potokov [Forecasting of Interregional Migration Flows]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(1), 126-136. DOI: 10.17059/2017-1-12. (In Russ.)
34. Vakulenko, E. S. (2016). Econometric analysis of factors of internal migration in Russia. *Regional Research of Russia*, 6(4), 344-356.
35. Vakulenko, E. S., Mkrtchyan, N. V. & Furmanov, K. K. (2011). Econometric analysis of internal migration in Russia. *Montenegrin Journal of Economics*, 7(2), 21-33.
36. Nesvetaylov, G. A. (1995). Tsentri-periferiynnye otnosheniya i transformatsiya postsovetskoy nauki [Semi-periphery relations and the transformation of the post-soviet science]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7, 26-40. (In Russ.)
37. Perroux, F. (2007). *Ekonomicheskoye prostranstvo. Teoriya i prilozheniya [Economic Space: Theory and Applications]*. Translated from English by A.P. Goryunov. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2, 77-93. (In Russ.)
38. Tsze Shi (2017). Kitayskiy faktor na novom etape razvitiya vostochnykh regionov Rossii [A New Round of Development in Eastern Russia and China Factors]. *EKO [ECO]*, 3(513), 37-47. (In Russ.)

Authors

Kseniya Vladimirovna Shvorina — PhD in Geography, Research Assistant, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of RAS; ORCID: 0000-0002-7731-4871; Researcher ID: E-4695-2018; Scopus Author ID: 57195959454 (16a, Nedorezova St., Chita, 672014, Russian Federation; e-mail: gorina08@yandex.ru).

Larisa Mikhaylovna Faleychik — PhD in Engineering, Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Transbaikalian State University; Researcher ID: B-4346-2016; Scopus Author ID: 15122175500; ORCID: 0000-0003-2963-1992 (14, Nedorezova St., Chita, 672014; 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russian Federation; e-mail: lfaleychik@bk.ru).